

Политические партии: от традиционных к современным

Владимир ЕГОРОВ
Андрей АБРАМОВ

Динамика современных общественных процессов настолько стремительно меняет облик окружающего мира, что ставит под сомнение адекватность, казалось бы, устоявшихся представлений.

В круг дефиниций, содержание которых претерпевает изменения, безусловно, входит и концепт привычного для всех института политических партий, добросовестно выполнявших в прошлом столетии роль посредника между обществом и властью и консолидатора политических сил.

Разрыв между реальностью и её осмыслением в этом сюжете политологии настолько велик, что содержание вузовских учебных дисциплин, посвящённых партологии, скорее напоминает раздел политической истории, нежели анализ одного из аспектов политической практики.

Сложившаяся ситуация обусловлена новизной политической реальности, в которой вынуждены адаптироваться традиционные институты, изменяя свой облик, сущностные черты и функциональные свойства.

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического анализа Российского государственного социального университета, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им Н.Э. Баумана. *SPIN-код:* 9130-3997. *E-mail:* korrka@mail.ru

АБРАМОВ Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *SPIN-код:* 2858-5799. *E-mail:* abram-off@mail.ru

Ключевые слова: политическая партия, партогенез, постмодерн, постдемократия, постпартия, сетевая партия, киберпартия.

Изменение партийного ландшафта

Современные политические партии являются порождением эпохи модерна. Буржуазные революции, приведшие к возникновению парламентов как выборных органов, функционирующих на постоянной основе, способствовали возникновению нового типа организаций, представляющих интересы разных элитных групп. Реакция на такого рода структуры была неоднозначной. Так, президент США Дж. Вашингтон в своём прощальном послании к конгрессу (17 сентября 1796 г.) противопоставлял партийные (т. е. эгоистические групповые) интересы благу всего общества¹.

Выход на политическую сцену широких народных масс во второй половине XIX в. разнообразил партийный ландшафт. Исследуя произошедшие изменения век спустя, французский политолог М. Дюверже подразделил партии на «массовые», появление которых он связывал с классовой консолидацией трудящейся массы, и «кадровые», уходящие корнями в аристократические объединения, отстаивающие свои сословные привилегии в борьбе с зарождающейся буржуазией. В отличие от «массовых партий», основанных на организационной связи со своими членами, в том числе через систему партийных взносов, «кадровые партии», в представлении французского обществоведа, являлись

«объединениями нотаблей». Цель таких партий сводилась к тому, чтобы «подготовить выборы, провести их и сохранить контакт с кандидатами»².

Иное объяснение разнообразия партийных организаций эпохи модерна дают С. Липсет и С. Роккан, авторы концепции социально-политических размежеваний, представлявшей собой попытку «построить реалистическую модель формирования исторически заданных альтернатив, возникших в разных политических системах с разным уровнем социально-экономического развития, а затем использовать её для интерпретации партийных предпочтений»³.

В отличие от М. Дюверже и марксистов, видевших одну социально-классовую детерминанту политической дифференциации и партийной идентичности, концепция С. Липсета и С. Роккана значительно расширяла представление о социальных силах, генерирующих партийные и политические лояльности.

В представлении исследователей национальные и индустриальные революции актуализируют четыре главных противоречия, лежащих в основе социально-политических размежеваний:

– первая породила «две линии размежеваний: конфликт между культурой центра (строительства нации-государства) и усиливающимися культурами провинций и пе-

¹ Прощальное послание Дж. Вашингтона, 17 сентября 1796 г. // Всеобщая история государства и права // URL: <https://historylaw.ru/?p=4381>

² Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминой. 4-е изд. М.: Академический проект, 2007. С. 96.

³ Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 205.

риферий, имеющих свои этнические, лингвистические и религиозные особенности, а также конфликт между централизирующим, стандартизирующим и мобилизирующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви»;

– вторая – «конфликт между интересами земельных собственников и растущего класса промышленных предпринимателей, а также конфликт между собственниками и работодателями, с одной стороны, и рабочими и служащими – с другой»⁴.

Научная продуктивность концепции С. Липсета и С. Роккана, многое проясняющая, в том числе в оценке событий, связанных с Великой российской революцией начала XX в., дала основание попыткам её использования в проблематике современной партологии. Но применительно к эпохе постмодерна теория социальных размежеваний оказывается малоэффективной из-за исчезновения тех ключевых конфликтов XX в., которые породили социальные расколы и предопределили своеобразие партийного ландшафта того времени. В этой связи исследователь Д.-Л. Сейле указывает, что сегодня в каждой стране необходимо «искать специфические условия, которые направляют развитие системы конфликтов и размежеваний»⁵.

Вынужден «поправлять» теорию размежеваний и её современный

сторонник Р. Далтон, который полагает, что наряду с размежеваниями «старой политики», по-прежнему остающимися «основой партийного конфликта в большинстве развитых демократий», наметились новые линии раскола – социальные ценности, проецирующиеся в плоскость «новой политики». К постмодерным социальным конфликтам, по его мнению, относятся противоречия по вопросам сохранения окружающей среды, прав меньшинств, социального равенства и т. д.⁶

Другое важное положение партологии Липсета – Роккана об «отвердении» европейских партийных систем, согласно которому «рынок партийных систем», «как и любой рынок, подчинённый относительно немногим ограничениям (“анархия”?), но хорошо регулируемый законодательно (в терминах оформления прав/договоров и последствий результатов выборов)», «характеризуется чёткими встроенными механизмами стабилизации», нашло продолжение в утверждениях современных политологов о том, что не связь «между социальными расколами и партийными предпочтениями индивидов», а наличие зрелого механизма демократии определяет флуктуации партийных систем и при наличии некоторых колебаний динамических трендов обеспечивает их стабильность⁷.

Наиболее конструктивно выглядит теоретическая схема, в которой

⁴ Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания. С. 210.

⁵ Сейле Д.-Л. Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе? // Политическая наука. 2004. № 4. С. 57.

⁶ Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 235.

⁷ Ларсен С.У. Теория отвердения. Стабильность партийных систем в демократических государствах // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; пер. с англ. Е.А. Жуковой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 59, 62, 65.

в качестве трёх равнозначных факторов, определяющих конфигурацию партийного ландшафта, рассматриваются «участники, институты и социальная структура». Элиты избирают стратегию, укладывающуюся в существующие институциональные возможности, а

социальная структура накладывает объективные ограничения на их способность выразить политическими средствами линии «разломов».

Попытку эмпирической аргументации этой теоретической схемы наиболее последовательно реализовал П. Майр⁸.

Трансформация социальной базы партий

Рождённые эпохой острых социальных коллизий XIX–XX вв. политические партии постепенно адаптировались в реальность «мирного существования», функционируя в большей части не как средство классовой консолидации, а как инструмент представительства определённых общественных интересов, механизм взаимодействия общества и власти, отчего их социальное значение укреплялось.

Однако вскоре проявились первые признаки «мутаций» политических партий. В силу того, что «завоевание мест в политических ассамблеях выступает основой жизни партии, оправданием её существования и высшей целью бытия»⁹, данные институты стали всё больше отдаляться от интересов рядовых членов и общества в целом.

Одним из первых это подметил М. Вебер, указавший на возникновение партийной бюрократии – «машины», состоящей из тех, «кто непрерывно ведёт работу внутри партийного предприятия»¹⁰. В артикуляции другого партолога,

М.Я. Острогорского, такая когорта профессионалов получила определение «кокуса». Последний, в представлении исследователя, позиционируя себя так, как будто располагает поддержкой широких масс, приобретает вполне реальный политический вес, заставляя власть считаться с ним. «Создавая иллюзию реальных сил, – писал М.Я. Острогорский, – условные силы действуют одинаково на сознание и волю; за ними соглашались признать самостоятельное существование, их учитывают, с ними считаются, сообразуют своё поведение; таковы на финансовом рынке бумаги без реальной ценности, которые, будучи пущены в оборот, переходя из рук в руки и подвергаясь учёту, осуществляют все функции орудий обмена, по крайней мере, до ближайшей несостоятельности или первого краха»¹¹.

Не менее горький вывод о потере партией демократического лица и превращении её в орудие партийных олигархов по завоеванию власти сделал Р. Михельс, анализирувавший в

⁸ Mair P. Party System Change. Approaches and Interpretations. Oxford. 1997.

⁹ Дюверже М. Политические партии. С. 29.

¹⁰ Вебер М. Политика как признание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.

¹¹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН. 1997. С. 107–108.

начале XX в. немецкую социал-демократию, выросшую из массового радикального рабочего движения.

Подмену общепартийных интересов (шире – интересов социальной группы, поддерживающей партию на выборах) запросами партийной элиты констатировал и М. Дюверже, выделяя в составе «кадровых партий» несколько элитных групп (категорий нотаблей), которые обеспечивают успех на выборах. «Прежде всего это нотабли влиятельные, – отмечал он, – чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее нотабли технические, – те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые – они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значения прежде всего, – это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния»¹².

В результате, утверждал М. Дюверже, формируется «теневая структура, которая в действительности и руководит партией, но по существу представляет собой предприятие для завоевания должностей, а также законных и незаконных привилегий, которыми она может обеспечить»¹³.

Описывая произошедшую эволюцию, исследователи адекватно отразили положение современных партий, лишившихся действительной социальной опоры, но по-прежнему воспринимаемых населением как

необходимый институт демократии. Согласно данным социологического исследования, 57% российских респондентов считают партии необходимым компонентом российского демократического процесса¹⁴.

Позитивный общественный настрой в отношении партий заставляет представителей власти – государственную и финансовую элиту – делегировать партийным лидерам долю властного статуса и материального ресурса. С другой стороны, это же обстоятельство (закрепление общественным сознанием за партиями статуса демократического института) создаёт возможность имитации демократического политического режима, используя партийную систему в качестве средства упрочнения собственной легитимности.

Таким образом, порождённые эпохой позднего модерна массовые партии (вслед за кадровыми) постепенно трансформировались в разновидность предпринимательских структур. Укрепление парламентского статуса, достижение общественно значимых целей отодвинулось на второй план, уступив место в ряду партийных приоритетов стремлению создать конкурентоспособный «политический товар», производство которого предполагает «прибыльность самого предприятия».

Итак, несмотря на закономерный процесс утраты партиями представительской функции, граждане всё ещё почти единодушны в убеждении, что партии – необходимый инструмент демократической системы.

¹² Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. С. 58-59.

¹³ Дюверже М. Политические партии. С. 35-37.

¹⁴ Политические партии в России // База данных ФОМ // URL: https://bd.fom.ru*report/cat/polypar/ddo62523

Именно традиционная конструктивная оценка общественным сознанием роли партий в механизме демократии фундирует коммодификацию их общественной деятельности. При этом реальные инвестиции в партии предпринимательских структур вторичны по отношению к инвестициям государства (выраженных не только прямым финансированием, но и широким спектром властных предпочтений, вплоть до делегирования представителей партии в правительственные структуры), являющимся в данном случае маркером действительной «потребительской стоимости» партийных услуг.

Изменение места партий в системе взаимоотношений общества и власти, превращение института в часть «государственного механизма» закономерно приводит к падению рейтинга доверия к партиям. Такая тенденция проявляется с 50-х годов и носит настолько очевидный и устойчивый характер, что позволяет говорить о качественном перерождении партий.

Согласно данным, опубликованным «Евробарометром», накануне выборов в европарламент 72% граждан ЕС не испытывали доверия к действующим политическим партиям и только 22% респондентов высказались положительно¹⁵.

Низкий показатель общественно-го доверия европейским партиям стабильно держится приблизительно на таком уровне уже не менее полутора десятка последних лет. Анти-

партийные настроения широко распространены в посткоммунистических странах, в том числе в России.

Согласно результатам опроса, организованного ВЦИОМ в 2021 г., одобряют деятельность политических партий только 34,7% россиян, 63% респондентов говорят об отсутствии в стране интересующих их партий, а 46% указали на то, что партийные организации оторваны от нужд народа¹⁶.

Проблема идентификации современных партий, качественно отличающихся от своих «предков» XIX – начала XX в., остаётся открытой в отечественной и зарубежной литературе.

Своё видение сущности партийной трансформации предложили Р. Кац и П. Майр, введя в научный оборот понятие «картельные партии», «которые характеризуются взаимопроникновением партии и государства и тенденцией сговора между партиями». В представлении исследователей, «картельные партии» являются акторами «демократии зрительного зала», а не реальной конкуренции, порождаемой представительством различных общественных интересов. Интегрируясь с государством и принимая единые правила игры, предложенные им, если даже «не очень расположены к публичным соглашениям друг с другом», понимая, «что они находятся в одной лодке и полагаются на одни и те же ресурсы», партии закономерно становятся носителями «картелеподобного поведения»¹⁷.

¹⁵ EP Spring 2024 Survey: Use your vote – Countdown to the European elections – April 2024 // Eurobarometer survey // URL: <https://europa.eu/Eurobarometer/surveys/detail/3272>

¹⁶ Социологи выяснили отношение россиян к политическим партиям // URL: <https://ria.ru/20210113/partii-1592897604.html>

¹⁷ Кац Р.С., Майр П. Картельная партия: пересмотр концепции // Прогнозис. 2009. № 3-4. С. 169-194.

Трансформацию партий отмечает и итальянский исследователь П. Игнаци. По его мнению, «партии усилили своё влияние благодаря развитию двух других своих “лиц” – руководства партии и прежде всего её членов в структурах государственной власти»¹⁸. Если даже принять не бесспорное утверждение о том, что указанные трансформации партийного строя можно считать доказательством роста их социального влияния, то всё же придётся признать, что выводы П. Игнаци относительно происшедших в партиях перемен говорят об их глубоком качественном перерождении. Одним словом, сегодня мы имеем дело с институтом, принципиально отличающимся от партий эпохи модерна своей морфологией, функциональными характеристиками и направлением социальной перспективы.

Сам П. Игнаци, осознавая прямую связь между социальной трансформацией и самочувствием партий, говорит о том, что резерв прочности, унаследованный ими от массовых партий XX столетия, исчерпан. «В действительности ещё не выработано никакого специфического типа партии, способного «схватить» нынешнюю эволюцию», – говорит он, имея в виду утрату партиями своей социальной и идеологической идентичности. Вышедшие из лона индустриального общества и испытывающие «ослабление связи с гражданским обществом (если не сказать растущее пренебрежение и отвержение)», партии отреагировали «движением к более при-

емлемому» полюсу силы – государству. На этом основании политолог считает наиболее «подходящим лейблом для описания современного типа партии» «государствоцентристскую партию»¹⁹.

Интегрированные с государством партии получают возможность распоряжаться большими ресурсами, в том числе «продвигая выгодные им законодательные нормы или оказывая влияние на кадровые назначения», а также финансируемыми государством расходами на выборы, доступом к СМИ и средствам коммуникации, помещением центрального офиса. По-прежнему основной ресурс, обладание которым приносит значительные дивиденды партиям, заключается в патронаже.

Важно отметить ещё одно положение концепции П. Игнаци, непосредственно относящееся к сказанному. По мнению итальянского политолога, «чем больше ресурсов затребовано, получено и распределено, тем меньше партия восстанавливает свой имидж организации, выражающей чьи-либо требования и интересы; её начинают воспринимать просто как *public utility* или как «раздатчика запасов». Таким образом, чем больше партия дистанцируется от гражданского общества и втягивается в политический бизнес селективной раздачи материальных и статусных привилегий, тем меньше оставляет возможности социальной регенерации.

Очевидно, что, утрачивая способность «выражения множественных требований и воли людей», партия

¹⁸ *Игнаци П.* Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 53.

¹⁹ Там же. С. 54-57.

«утрачивает смысл существования» (курс. П. Игнаци. – *Авт.*)²⁰.

Результирующее мнение П. Игнаци выглядит следующим образом: **«Текущая ситуация характеризуется усилением партийности в государстве и исчезновением партийности в обществе. Партийные организации часто доминируют в государственных структурах, тогда как присутствие партии в обществе трансформировалось в профессиональную машину, контролирующую избирательные кампании»**²¹.

Однако далеко не все партологи считают партийный постмодерн показателем убывания социальной перспективы этого института политической системы. Аргументом для оптимизма в такой позиции является заинтересованность государства в сохранении партийного механизма, имитирующего представительство общественных интересов. При этом по-прежнему большинство исследователей считает необходимым условием жизнедеятельности партий их поддержку обществом.

От идеологического разнообразия к унификации

Серьёзным отличием партий модерна от современных является и идеологический облик. Рождавшиеся в борьбе за власть и опиравшиеся на различные социальные группы, политические партии XIX–XX вв. характеризовались идеологическим разнообразием. Исследователи предпринимали довольно успешные попытки расположить партийные концепции по линии «правые – левые». Однако происходящее с середины XX в. размывание социальной структуры обществ, постепенное исчезновение пролетариата с его четко артикулированными социальными требованиями, повлияло и на эволюцию партийных идеологий.

Исследователь О. Кирххаймер констатировал произошедшие изменения, предложив определять со-

временные парламентские партии как «всеохватывающие», т. е. обращающиеся к разным социальным группам как к базе поддержки, дающие в силу этого туманные программные обещания и размывающие идеологические контуры²².

Любопытно, что к той же идее об идеологической схожести партий пришёл и другой исследователь – Э. Даунс, инкорпорировавший в политическую теорию концепцию медианного избирателя. Согласно этой теории, противоборствующие партии, подталкиваемые крайними общественными силами своего политического полюса, неизбежно сближаются, пренебрегая идеологическими противоречиями. Поскольку сближение партий происходит синхронно с обеих сторон, то оба его актора становятся «более уме-

²⁰ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру. С. 62.

²¹ Там же. С. 98.

²² Kirchheimer O. The transformation of Western European party systems // Political Parties and Political Development / Ed. by J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 57–84.

ренными и менее крайними в своей политике»²³.

Такое «стягивание» партийных программ к центру делает политические партии практически неразличимыми в глазах избирателя. Голосуя в различных электоральных циклах то за правящую партию, то за оппозицию, избиратель не видит изменений политического курса, тяготеющего к «срединным» политическим решениям.

В силу слабого отличия идеологических платформ друг от друга маркером, позволяющим идентифицировать политическую партию

во время электоральной кампании, становится фигура партийного лидера. Как отмечал ещё М. Вебер, «прибрав партию к своим рукам», партийные руководители обеспечивают её средствами²⁴.

Согласно данным ВЦИОМ, разрыв между общественным одобрением личности лидера КПРФ (36%) рейтингом партии (10%) более чем в три раза, а у СРЗП (Справедливая Россия – За правду) более чем в семь раз. Совпадение этих показателей у ЛДПР и «Новых людей» говорит только о том, что их руководители пока не проявили своих персональных способностей, оценённых обществом²⁵.

От иерархической организации к сетевой структуре

Своё видение места партий в эпоху постмодерна предложил английский политолог К. Крауч. Его констелляция политических партий развёрнута внутри общей концепции постдемократии, суть которой, если выразаться кратко, заключается в авторском предположении, что к концу 90-х годов в большинстве промышленно развитых стран реальная политика из публичной сферы переместилась в ведение узкой корпорации финансовой олигархии, подчинившей своим интересам властные структуры. За кулисами «электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика», настоящими режиссёрами которой являются элиты, «представ-

ленные преимущественно деловыми кругами»²⁶.

Политические партии, по К. Краучу, не укоренившиеся в постдемократической социальной реальности (профессиональные группы постиндустриального общества, в отличие от социальных классов XX в., так и не смогли создать собственных автономных организаций), превратились в средство реализации политических амбиций предпринимательских верхов.

В связи с изменившимся положением партий их традиционная конфигурация в виде расходящихся от ядра концентрических кругов, включающих активистов, членов партий и электорат, претерпевает трансформацию: «центральное ядро, прежде яв-

²³ Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P. 116-117, 147-197.

²⁴ Вебер М. Политика как признание и профессия. С. 675.

²⁵ Партии раскупают выборные ресурсы под обратный отсчёт // Независимая газета. 2025. 7 апреля.

²⁶ Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельманд. М. ВШЭ, 2010. С. 19.

лявшееся внутренним кругом партии, растягивается, превращаясь в эллипс», за счёт замещения традиционного руководства партий пересекающимися сетями советников, консультантов и лоббистов, представляющими интересы корпораций, «ищущих расположения у правительства»²⁷.

Таким образом, пополнившееся за счёт советников, считающих «продажу своего политического влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни», ядро партии растянулось по «силовой линии», соединяющей правительство и корпорации. Так партии превратились в удобный инструмент влияния бизнес-элит на правительство, властные функции которого «не могут быть полностью приватизированы» даже с точки зрения нормативной демократии²⁸.

Уже сегодня, по мнению К. Крауча, можно видеть результат последовательно воплощённой в жизнь социальной перспективы партий постмодерна, постепенно «праватизируемых» капиталом на примере партии «Вперёд, Италия!». По сути, говорит он, «это компания или сеть компаний, а не организация типа классической партии; она не возникла для озвучивания интересов какой-либо социальной группы, а была целенаправленно сконструирована представителями существующей политической и финансовой элиты».

Вполне актуально для определения стратегии современных левых партий, утративших опору в рабо-

чей среде, выглядит указание К. Крауча о том, что, «поскольку их члены и электоральное ядро значительно сильнее удалены от элиты, чем в правоцентрических партиях», обращение к «советникам» и «экспертам» стало для социал-демократических и социалистических партий единственным способом выжить, поэтому «эллиптический характер» партийного ядра в них выглядит особенно отчётливо²⁹.

Ещё одним фактором, предопределившим изменение облика современных политических партий, стала информационно-коммуникационная революция, выступившая технологическим основанием качественных изменений, направленных на расширение политического участия, в целом обозначив контуры регенерации (после греческих полисов, древнерусского вечевого устройства³⁰ и паллиативов европейских общественных практик) прямой демократии в широком социальном контексте. В теорию политологии в этой связи активно входит понятие «электронная демократия» как совокупность институтов и практик непосредственной демократии. При этом «речь идёт об осуществлении прямого народовластия с помощью электронных технических средств, виртуального пространства»³¹.

Новая парадигма общественного развития обусловила необходимость формирования качественно отлича-

²⁷ Крауч К. Постдемократия. С. 96-97.

²⁸ Там же. С. 96-97.

²⁹ Там же. С. 97, 99.

³⁰ Егоров В.Г. Российский исторический процесс в домосковский период и социально-политическая реальность // Преподавание истории в школе. 2018. № 8. С. 23-31.

³¹ Комаров В.В. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права и цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. 2023. № 2. С. 12.

ющихся от традиционных способов социально-политической консолидации. «Анализ практики последних десятилетий, – отмечают современные российские исследователи, – свидетельствует о появлении партий нового типа – киберпартий (цифровых партий, сетевых партий), которые заменяют традиционную структуру на цифровые платформы, обеспечивающие новые возможности в области партийного строительства, финансирования и мобилизации»³².

В отличие от людей эпохи модерна, практиковавших традиционные формы политической активности, для современности характерен так называемый медиаактивизм – «форма коллективного участия граждан в общественно-значимых процессах с помощью использования релевантных ресурсов социальных медиа»³³. В соответствии с этим и политические партии всё более и более перемещаются из физического пространства в виртуальное, ещё более усугубляя идеологический кризис. Из-за постоянно меняющейся политической повестки дня политические сообщества в социальных сетях постоянно переконфигурируются в соответствии с интересом к той или иной проблеме.

Партии эволюционируют в сторону временных образований, возникающих для решения одной совершенно конкретной проблемы. Достаточно вспомнить взрывную популярность и столь же быстрое забвение так называемых пиратских партий, выступавших за свободный обмен контентом (в том числе защищённым авторским правом) в Интернете.

В том же контексте сиюминутности следует рассматривать и появление «нишевых» организаций, предпочитающих строить свою стратегию, ориентируясь на «узкие сегменты электората». Возможно, впрочем, и иное объяснение: такие партии – это проявление попыток партийного истеблишмента оживить их деятельность за счёт локальной повестки, в большей степени отвечающей запросам местных или этнокультурных сообществ³⁴.

В любом случае очевидно, что почти половина граждан России (прежде всего молодого возраста) предпочитают новые (сетевые) формы общественной интеграции традиционным³⁵.

Аккомодация партий в новой сетевой социально-политической реальности влечёт за собой, помимо указанного, другой аспект их эволюции.

³² Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М.: Проспект, 2024. С. 46–47.

³³ Бронников И.А., Горбачев М.В., Кононенко О.С., Тимирчев И.К. Медиаактивизм и гражданская мобилизация: генезис и тенденции // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. С. 49.

³⁴ Осолков П.В., Тэдой-Бурмули А.И. К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 60.

³⁵ Новостная информация и телевидение. Источники новостной информации: доверие и предпочтения россиян // ФОМ // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984>; Блогерство: отношение россиян к блогерам // ФОМ // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14926>; Лубянкина Е.С. Основные платформы политической коммуникации в интернет-пространстве. Материалы XI Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Региональная журналистика: от истории к современности». Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2022.

Социализация современных «электронных машин» актуализирует проблему обретения их обновлённой архитектурой качества, позволяющего привлекать к активной политике большие массивы граждан, что, по мнению Я. Баджа, требует радикальных изменений партийной организации: от иерархической к сетевой, позволяющей обеспечить их органическую включённость в контекст интересов социальных общностей³⁶.

Сетевая организационная структура способна обеспечить мощный импульс расширения неформального политического влияния партий и «переиздания» их идеологической и социально ориентированной идентичности.

В определении будущей партийной идентичности западные политологи исходят из отрицания того, что «партии – по крайней мере в мейнстриме – найдут какое-то глубокое проблемное размежевание или новую основу для поляризации политики»³⁷.

В свете событий Новейшей истории такое предположение выглядит более чем смело. Протестная волна, прокатившаяся по всем развитым странам мира и продолжающая набирать силу, носит ярко выраженный политический характер. Требования населения не сокращать бюджетные расходы составляют лишь одну и не самую главную сторону акций, другая, главная сторона во-

проса, прямо нацелена на системную неустойчивость общежития.

Например, демонстранты из всех западных стран, приурочившие своё выступление к 42-му Давосскому форуму, что символично, обсуждавшему проблему адекватности современного капитализма вызовам XXI в., определённо указывали в качестве причины своего недовольства увеличивающуюся пропасть в экономических, социальных, политических правах бедных и богатых.

Мировой финансовый кризис обнажил системные противоречия современного капитализма, безусловно, способные поляризовать политический ландшафт и генерировать необходимые условия для «реинкарнации» новых массовых партий, которые, в свою очередь, поменяют конфигурацию партийной системы постмодерна.

Такой исход событий вполне вероятен в свете сохраняющегося в общественном сознании «рационального мифа» о конструктивной роли партий в демократии. Другое дело, что ныне существующие партии, органично встроенные в социальную среду, породившую системные противоречия, должны будут или сойти с исторической сцены, или пережить качественную трансформацию, так же как и вся современная система представительства и «постдемократии».

Несмотря на имеющийся потенциал развития политических партий, их общественная перспектива неочевидна. И не только потому, что будущность этого политического института во многом зависит от функционеров, которые направляют деятельность партийного «кластера».

³⁶ Budge I. A Unified Introduction to How Democracy Works. N.Y., 2019 // URL: <https://www.Routledge.com/Politics-A-Unified-Introduction-to-How-Democracy>

³⁷ Кац Р.С., Майр П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. № 4. С. 96.

В основе декларируемой неопределённости перспективы исторического бытия партий лежат вполне объективные препятствия, главной из которых является нарастающая сложность социумов, в значительной степени препятствующая агрегированию консолидирующих политических паттернов.

Кроме того, открывающаяся по мере продвижения информационно-коммуникационной революции возможность регенерации прямой демократии неизбежно продуцирует альтернативные партиям каналы социальной солидарности, отличные от формализованных партийных направлений интеграции граждан, что также осложняет их восприятие в будущей конфигурации политического пространства.

Однако, по крайней мере в среднесрочной перспективе, политические партии могут и должны сыграть конструктивную роль в структурировании политических предпочтений граждан.

Библиография • References

- Вебер М. Политика как признание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644-707.
- [Veber M. Politika kak priznanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / per. s nem. M.: Progress, 1990. S. 644-707]
- Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые технологии и искусственный интеллект в современной политике. М.: Проспект, 2024. – 496 с.
- [Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Cifrovye tekhnologii i iskusstvennyj intellekt v sovremennoj politike. M.: Prospekt, 2024. – 496 s.]
- Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 235-242.
- [Dalton R. Struktura politicheskikh svyazej // Politicheskaya nauka. 2004. № 4. S. 235-242]
- Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминной. 4-е изд. М.: Академический проект, 2007. – 540 с.
- [Dyuverzhe M. Politicheskie partii / per. s fr. L.A. Ziminoj. 4-e izd. M.: Akademicheskij proekt, 2007. – 540 s.]
- Егоров В.Г. Российский исторический процесс в домосковский период и социально-политическая реальность // Преподавание истории в школе. 2018. № 8. С. 23-31.
- [Egorov V.G. Rossijskij istoricheskij process v domoskovskij period i social'no-politicheskaya real'nost' // Prepodavanie istorii v shkole. 2018. № 8. S. 23-31]
- Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 49-76.
- [Ignaci P. Partii i demokratiya v postindustrial'nyu eru // Politicheskaya nauka. 2010. № 4. S. 49-76]
- Кац Р.С., Майр П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука. 2010. № 4. С. 77-112.
- [Kac R.S., Majr P. Kartel'naya partiya: vozvrashchenie k tezisu // Politicheskaya nauka. 2010. № 4. S. 77-112]
- Кац Р.С., Майр П. Картельная партия: пересмотр концепции // Прогнозис. 2009. № 3-4. С. 169-194.
- [Kac R.S., Majr P. Kartel'naya partiya: peresmotr koncepcii // Prognozis. 2009. № 3-4. S. 169-194]

- Комаров В.В.* Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права и цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. 2023. № 2. С. 10-20.
- [*Komarov V.V.* Dvustoronnee vzaimodejstvie grazhdan i organov publichnoj vlasti: cifrovye prava i cifrovye vozmozhnosti // ZHurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 2. S. 10-20]
- Крауч К.* Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельманд. М. ВШЭ, 2010. – 192 с.
- [*Krauch K.* Postdemokratiya / per. s angl. N.V. Edel'mand. M. VSHE, 2010. – 192 s.]
- Ларсен С.У.* Теория отверждения. Стабильность партийных систем в демократических государствах // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена; пер. с англ. Е.А. Жуковой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 55-85.
- [*Larsen S.U.* Teoriya otverdeniya. Stabil'nost' partijnyh sistem v demokraticeskikh gosudarstvax // Teoriya i metody v sovremennoj politicheskoj nauke: pervaya popytka teoreticheskogo sinteza / pod red. S.U. Larsena; per. s angl. E.A. Zhukovoj. M.: ROSSPEN, 2009. S. 55-85]
- Лунсет С., Роккан С.* Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204-234.
- [*Lipset S., Rokkan S.* Struktura razmezhevanij, partijnye sistemy i predpochteniya izbiratelej. Predvaritel'nye zamechaniya // Politicheskaya nauka. 2004. № 4. S. 204-234]
- Осколков П.В., Тевдой-Бурмули А.И.* К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 57-68.
- [*Oskolkov P.V., Tevdoy-Burmuli A.I.* K voprosu o diskursivnyh parametroh tipologizacii politicheskikh partij // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. № 5. S. 57-68]
- Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН. 1997. – 640 с.
- [*Ostrogorskij M.YA.* Demokratiya i politicheskie partii. M.: ROSSPEN. 1997. – 640 s.]
- Прощальное послание Дж. Вашингтона, 17 сентября 1798 г. // Всеобщая история государства и права // URL: <https://historylaw.ru/?p=4381>
- [*Proshchal'noe poslanie Dzh. Vashingtona, 17 sentyabrya 1798 g.* // Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava // URL: <https://historylaw.ru/?p=4381>]
- Сейле Д.-Л.* Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе? // Политическая наука. 2004. № 4. С. 56-63.
- [*Sejle D.-L.* Primenimy li razmezhevaniya Rokkana k Central'noj Evrope? // Politicheskaya nauka. 2004. № 4. S. 56-63]
- Budge I.* A Unified Introduction to How Democracy Works. N.Y., 2019 // URL: <https://www.Routledge.com/Politics-A-Unified-Introduction-to-How-Democracy>
- Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P. 116-117, 147-197. – 310 p.
- Kirchheimer O.* The transformation of Western European party systems // Political Parties and Political Development / Ed. by J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 57-84.
- Mair P.* Party System Change. Approaches and Interpretations. Oxford. 1997.

Статья поступила в редакцию 17 апреля 2025 г.

Статья принята к публикации 24 апреля 2025 г.